

Путешествие в Икстлан

Автор:

Карлос Кастанеда

Путешествие в Икстлан

Карлос Сезар Арана Кастанеда

Тот, кто ступил на Путь Воина, путь с сердцем, уже никогда не станет простым обывателем. Дон Хуан открывает Карлосу аспекты этого Пути – искусство быть недостижимым, стирание личной истории, концепцию «смерти как советчика», принятие ответственности за свои поступки. В «Путешествии в Икстлан» мы впервые встречаемся с союзниками – устрашающими неорганическими существами, которых маг, имеющий достаточно личной силы, может превратить в незаменимых помощников.

Читатель, послушай совет: для более точного восприятия Учения Толтеков начни знакомство с ним с третьей книги, «Путешествие в Икстлан», и лишь потом вернись к первым двум, ибо было бы слишком грустно, с одной стороны, испугаться неточного описания Пути и отбросить его, с другой – не ознакомиться с теми важнейшими положениями Учения, которые попали именно в первые две книги.

Карлос Кастанеда

Путешествие в Икстлан

Carlos Castaneda

Journey to Ixtan

* * *

Все права зарезервированы, включая право на полное или частичное воспроизведение в какой бы то ни было форме.

Copyright © 1972 by Carlos Castaneda

© ООО Издательство «София», 2014

Об издательстве «София»

С первых дней своего существования «София» четко определила круг «своей литературы» и с тех пор ни разу не изменила своим принципам. С 1991 года в издательстве вышло более полутора тысяч книг по разным направлениям духовного, психического и физического саморазвития. Наша задача – показать возможность самых разнообразных троп единого Пути всем, кто его ищет.

Введение

В субботу, 22 мая 1971 года, я вновь отправился в мексиканский штат Сонора на очередную встречу с доном Хуаном Матусом – магом из племени яки. Мы были знакомы с 1961 года. Я думал, что эта встреча ничем не будет отличаться от множества предыдущих визитов за десять лет моего ученичества. Однако события, последовавшие за ней, оказались для меня в каком-то смысле решающими, поскольку ознаменовали окончание учебы. Это не было с моей стороны ни капризом, ни бегством, но вполне закономерным и естественным окончанием исчерпавшего себя этапа.

Описанию процесса обучения посвящены две предыдущие книги – «Учение дона Хуана» и «Отдельная реальность».

Когда я писал их, то исходил из предположения, что ключевыми пунктами в обучении магии являются состояния ощущения необычной реальности,

вызванные употреблением психотропных растений.

Дон Хуан был специалистом в использовании трех таких растений: дурмана обыкновенного, кактуса пейота и галлюциногенных грибов.

Под их воздействием восприятие мира становилось настолько необыкновенным и впечатляющим, что я поневоле пришел к выводу: состояния необычной реальности – единственный путь к постижению и освоению того знания, которое пытался передать мне дон Хуан.

Однако я ошибался.

Чтобы исключить возможность какой-либо путаницы относительно моей работы с доном Хуаном, я хотел бы сказать, что никогда не предпринимал никаких попыток соотнести дон Хуана с какой-либо социально-культурной средой. Себя он считал индейцем-яки, однако это отнюдь не означает, что система известных ему знаний является достоянием всего племени яки или практикуется только ими.

Говорили мы по-испански, и только благодаря тому, что он в совершенстве владел этим языком, мне удалось получить исчерпывающее толкование его практической системы. Я назвал эту систему магией, а дон Хуана – магом, поскольку именно такими категориями пользовался он сам.

В начале ученичества мне удавалось записывать большую часть того, что говорил дон Хуан, а потом уже, на более поздних этапах, – вообще практически все. Поэтому за годы обучения у меня накопились целые кипы блокнотов, заполненных полевыми записями. При их обработке и редактировании мне, естественно, пришлось кое-что исключить. Но в любом случае это были моменты, с моей точки зрения, несущественные и непринципиальные.

Работая с доном Хуаном, я относился к нему только как к магу. Соответственно, мои усилия сводились лишь к тому, чтобы приобщиться к его системе магических знаний.

Здесь следует особо остановиться на одном моменте, лежащем в основе системы магического знания. В передаче дон Хуана маг, в отличие от обыкновенного человека, не считает мир повседневной жизни чем-то

устойчивым и однозначно реальным. Для мага реальность, то есть мир как мы его знаем, – не более чем описание.

В попытках убедить меня в правомерности такого подхода дон Хуан приложил все усилия, чтобы я понял на собственном опыте: мир, который я привык считать реальным и основательным, – на самом деле всего лишь описание мира, программа восприятия, которую закладывали в мое сознание с самого рождения.

В его объяснении каждый человек, который вступает в общение с ребенком, непрерывно разворачивает перед ним свое описание мира. Таким образом все, кого ребенок встречает в своей жизни, становятся для него учителями. Они учат его определенным образом описывать мир, и в какое-то мгновение ребенок начинает воспринимать мир в соответствии со сформированным в его сознании описанием. Этот момент имеет огромное значение, поскольку, ни много ни мало, определяет всю нашу судьбу. Дон Хуан утверждал, что мы не помним об этом просто потому, что нам не с чем сравнивать. Однако именно в этот миг человек «входит в мир». Ребенок становится полноправным членом группы людей, использующих определенное описание мира. Он владеет этим описанием и способен в его рамках соответствующим образом интерпретировать то, что воспринимает. Интерпретации же, в свою очередь, подтверждают описание, которое в результате становится еще более устойчивым.

Таким образом, с точки зрения дон Хуана, реальность нашей повседневности состоит из бесконечного потока чувственных интерпретаций. Являясь членами группы лиц, использующих одно и то же описание мира, мы просто научились одинаково интерпретировать явления, воспринимаемые нашими органами чувств.

Впечатление цельности картины мира, составленной из чувственных интерпретаций, обусловлено тем, что последние следуют нескончаемым слитным потоком и, за ничтожными исключениями, практически никогда не подвергаются сомнению. В самом деле, мы давно привыкли к гарантированной однозначности того, что считаем реальностью, и вряд ли способны сколько-нибудь серьезно относиться к основной предпосылке магического знания, соответственно которой эта реальность – всего лишь одно из множества возможных описаний мира.

К счастью, дон Хуан вообще не интересовало, могу ли я серьезно воспринимать то, что он говорит. Он просто излагал положения своей системы,

не обращая внимания ни на мое неприятие, ни на мое неверие, ни даже на мою неспособность его понять. Таким образом, с самой первой нашей встречи дон Хуан был для меня в роли учителя магического знания, неуклонно внедряя в мое сознание свое описание мира. Смысловые блоки этого нового описания настолько не соответствовали основам привычной для меня картины реальности и были до такой степени чужды моему восприятию, что осознание каждого понятия, входившего в систему дон Хуана, требовало от меня чрезвычайных усилий.

Он заявил, что учит меня «видеть», подразумевая под этим способ восприятия, принципиально отличающийся от обычного зрительного восприятия, которое дон Хуан определял словом «смотреть». Первым шагом на пути к «видению» была, по его словам, «остановка мира».

Все эти годы я считал «остановку мира» лишь загадочной метафорой, лишенной смысла. И только недавно, в самом конце своего ученичества, во время разговора, не имевшего, казалось бы, прямого отношения к процессу обучения, я неожиданно осознал всю глубину и значимость этого понятия. Оно оказалось одним из краеугольных камней, лежащих в основе всего учения.

Мы с доном Хуаном просто сидели и говорили о чем-то, и я рассказал ему об одном из своих приятелей, у которого были серьезные проблемы с девятилетним сыном. Последние четыре года мальчик жил с матерью, а потом отец забрал его к себе и сразу же столкнулся с вопросом: что делать с ребенком? По словам моего друга, тот совершенно не мог учиться в школе, потому что его ничто не интересовало, и, кроме того, у мальчика совершенно отсутствовала способность к концентрации. Часто ребенок без видимых причин раздражался, вел себя агрессивно и несколько раз даже пытался сбежать из дома.

– Да, и впрямь – проблема, – усмехнулся дон Хуан.

Я хотел было еще кое-что рассказать ему о «фокусах» ребенка, но дон Хуан меня оборвал.

– Достаточно. Не нам судить о его поступках. Бедный малыш!

Сказано это было довольно резко и твердо. Но затем дон Хуан улыбнулся.

- Но что же все-таки делать моему приятелю? - спросил я.

- Худшее, что он может сделать, - это заставить ребенка согласиться, - сказал дон Хуан.

- Что ты имеешь в виду?

- Отец ни в коем случае не должен ругать или шлепать мальчика, когда тот поступает не так, как от него требуется, или плохо себя ведет.

- Да, но если не проявить твердость, как же тогда хоть чему-нибудь научить ребенка?

- Пусть твой приятель сделает так, чтобы ребенка отшлепал кто-то другой.

Предложение дон Хуана меня удивило.

- Да ведь он не позволит никому даже пальцем до него дотронуться!

Моя же реакция ему определенно понравилась. Он усмехнулся и сказал:

- Твой друг - не воин. Будь он воином, ему было бы известно, что в отношениях с человеческими существами не может быть ничего хуже и бесполезнее прямого противостояния.

- А что в таких случаях делает воин, дон Хуан?

- Воин действует стратегически.

- Все равно я не понимаю, что ты хочешь этим сказать.

- А вот что: если бы твой друг был воином, он помог бы сыну остановить мир.

- Каким образом?

- Для этого ему потребовалась бы личная сила. Он должен быть магом.

- Но он ведь не маг.

- В таком случае нужно, чтобы изменилась картина мира, к которой привык мальчик. А в этом ему можно помочь и обычными средствами. Это еще не остановка мира, но сработают они, пожалуй, не хуже.

Я попросил объяснений. Дон Хуан сказал:

- На месте твоего друга я бы нанял кого-нибудь, чтобы тот отшлепал парнишку. Порыскал бы хорошенько по трущобам и нашел бы там мужчину как можно более жуткой наружности.

- Чтобы тот испугал малыша?

- Глупый ты, просто испугать в этом случае - мало. Ребенка необходимо остановить, но отец ничего не добьется, если сам будет ругать его или бить. Чтобы остановить человека, необходимо сильно на него «нажать». Однако самому при этом нужно оставаться вне видимой связи с факторами и обстоятельствами, непосредственно связанными с этим давлением. Только тогда давлением можно управлять.

Идея показалась мне нелепой, но что-то в ней было.

Дон Хуан сидел, облокотившись левой рукой на ящик и подпирая ладонью подбородок. Глаза его были закрыты, но под веками двигались глазные яблоки, словно он по-прежнему меня разглядывал. Мне стало не по себе, и я сказал:

- Может, ты все же объяснишь подробнее, что делать моему приятелю?

- Пусть отправится в трущобы и найдет самого жуткого ублюдка, только помоложе и покрепче.

Затем дон Хуан изложил довольно странный план, которому должен последовать мой приятель. Нужно сделать так, чтобы во время очередной прогулки с ребенком нанятый тип следовал за ними или поджидал их в условленном месте.

При первом же проступке сына отец подаст знак, бродяга выскочит из засады, схватит мальчика и отлупит как следует.

– А потом пусть отец как сможет успокоит мальчика и поможет прийти в себя. Я думаю, трех-четырёх раз будет достаточно, чтобы круто изменить отношение мальчика ко всему, что его окружает. Картина мира станет для него иной.

– А испуг не повредит ему? Не искалечит психику?

– Испуг никому не вредит. Если что и калечит наш дух – то это как раз постоянные придирки, оплеухи и указания, что нужно делать, а что нет. Когда мальчик станет достаточно управляемым, скажешь своему другу еще одно, последнее: пусть найдет способ показать сыну мертвого ребенка. Где-нибудь в больнице или в морге. И пускай мальчик потрогает труп. Левой рукой, и в любом месте, кроме живота. После этого он станет другим человеком и никогда уже не сможет воспринимать мир так же, как раньше.

И тут я понял, что все эти годы дон Хуан применял подобную тактику в отношении меня самого. В других масштабах, при других обстоятельствах, но с тем же самым принципом в основе. Я спросил, так ли это, и он подтвердил, сказав, что с самого начала старался научить меня «остановить мир».

– Но пока безуспешно, – сказал он с улыбкой. – Ты непробиваем. Наверное, потому, что слишком упрям. Если бы не твое потрясающее упрямство, ты бы уже, наверное, мог остановить мир любым из приемов, которым я тебя учил.

– Каких приемов, дон Хуан?

– Все, что я заставлял тебя делать, – это и есть приемы, с помощью которых останавливают мир.

Несколько месяцев спустя дон Хуан все же добился своего. Я остановил мир.

Это событие было одним из поворотных в моей жизни. Оно заставило меня тщательно пересмотреть все, что имело место в течение десяти лет обучения. С полной очевидностью я осознал: мое первоначальное предположение относительно принципиального значения психотропных растений – ошибка. Они

вовсе не являются важным аспектом магического описания мира, они лишь помогают свести воедино разрозненные части этого описания. Просто в силу особенностей характера я был не в состоянии воспринимать эти части без помощи растений.

Упрямо цепляясь за привычную версию реальности, я был глух и слеп к тому, что дон Хуан пытался внедрить в мое сознание. И только эта моя нечувствительность заставляла его использовать в моем обучении психотропные средства.

Просматривая полевые записи, я пришел к заключению, что основы нового для меня магического описания мира дон Хуан дал мне еще в самом начале нашего знакомства, обучая тому, что он называл приемами остановки мира. Но это не было связано с применением психотропных растений и поэтому осталось за рамками моего внимания. Теперь пришло время вернуть целостность учению дон Хуана, расставив все по своим местам. Этому посвящены первые семнадцать глав настоящей книги. В остальных трех речь идет о событиях, в результате которых мне удалось наконец «остановить мир».

Подводя итоги, я могу сказать, что в начале ученичества у дон Хуана я столкнулся с иной реальностью; то есть, кроме привычного, знакомого мне описания мира, имело место описание магическое, которым я не владел.

Маг и учитель, дон Хуан на протяжении десяти лет последовательно разворачивал передо мной новое описание мира, добавляя по мере моего продвижения все новые и новые его аспекты.

Окончание ученичества означало, что я в полной мере усвоил новое описание, научившись тем самым воспринимать мир в соответствии с этим описанием. Другими словами, я окончательно «вошел в новый мир», сделавшись полноправным членом группы, использующей магическое его описание.

Дон Хуан утверждал, что на пути к видению сначала нужно «остановить мир». Термин «остановка мира», пожалуй, действительно наиболее удачен для обозначения определенных состояний сознания, в которых осознаваемая повседневная реальность кардинальным образом изменяется благодаря остановке обычно непрерывного потока чувственных интерпретаций некоторой совокупностью обстоятельств и фактов, никоим образом в этот поток не

вписывающихся. В моем случае роль такой совокупности сыграло магическое описание мира. По мнению дона Хуана, необходимым условием «остановки мира» является убежденность. Иначе говоря, необходимо прочно усвоить новое описание. Это нужно для того, чтобы затем противопоставить его старому, разрушить драматическую уверенность, свойственную подавляющему большинству человечества, – уверенность в том, что однозначность и обоснованность нашего восприятия, то есть картины мира, которую мы считаем реальностью, не подлежит сомнению.

Следующим этапом после «остановки мира» является «видение». То, что под этим понимал дон Хуан, я определил бы как «способность воспринимать аспекты мира, выходящие за рамки описания, которые мы приучены считать реальностью».

Я твердо уверен: понять этапы магической практики можно только на основе соответствующего описания мира. С самого начала обучения именно дон Хуан последовательно знакомил меня с этим описанием. Поэтому для меня его учение остается единственным источником, приоткрывающим доступ к реальности, скрытой за магическим описанием мира, и пусть слова дона Хуана говорят сами за себя.

Часть I

Остановка мира

Глава 1

Мир соглашается

Передо мной стоял старик-индеец.

– Мне говорили, сэр, что вы большой знаток растений, – сказал я.

Буквально за минуту до этого мой приятель, который нас свел, куда-то ушел, и нам не оставалось ничего другого, кроме как представиться. Старик сказал, что его зовут Хуан Матус.

- Кто говорил, твой приятель, что ли? – небрежно поинтересовался он.

- Да.

- Что ж, я и в самом деле собираю растения, вернее, они мне позволяют себя собирать, – мягко произнес он.

Мы стояли в зале ожидания автобусной станции в Аризоне. Я спросил по-испански, не согласится ли он ответить на некоторые вопросы. Сказано это было очень официально и звучало так:

- Не позволит ли благородный господин (кабальеро) задать ему несколько вопросов?

Слово «кабальеро» происходит от испанского «кабальо» – лошадь – и буквально переводится как «всадник-дворянин». Старик ехидно посмотрел на меня и с широкой улыбкой произнес:

- Всадник без коня. Я же тебе сказал, меня зовут Хуан Матус.

Его улыбка мне понравилась. Я подумал, что он, должно быть, умеет ценить прямоту, и решил без обиняков изложить свою просьбу. Я сказал, что меня интересует все, что связано со сбором и изучением лекарственных растений, в особенности – все то, что касается использования галлюциногенного кактуса, пейота, которым я довольно долго занимался в Лос-анджелесском университете.

Сказано это было довольно сдержанно, с достоинством и, как мне показалось, весьма убедительно. Я решил, что представился достаточно солидно и впечатление произвел внушительное.

Старик медленно кивнул. Его молчание меня ободрило, и я добавил, что для нас обоих, вне всякого сомнения, было бы полезно как-нибудь встретиться и потолковать о пейоте. Но тут он поднял голову и взглянул мне в глаза. Это был

жуткий, ужасающий взгляд, хотя в нем не было ни гнева, ни угрозы. И все же этот взгляд буквально пронзил меня насквозь. Я словно онемел, моя болтовня мгновенно оборвалась. На этом мы расстались. Однако перед уходом старик все же несколько меня обнадежил, сказав, что я могу как-нибудь заехать к нему в гости.

Чтобы оценить должным образом, насколько сильно подействовал на меня взгляд дона Хуана, нужно представить себе всю его уникальность в контексте моего жизненного опыта. Дело в том, что к тому времени, когда я взялся за изучение антропологии и встретился с доном Хуаном, мне уже довелось как следует «покрутиться» в жизни, и я чувствовал себя достаточно искушенным. С тех пор как я покинул дом, прошло много лет, и я считал, что вполне могу о себе позаботиться. Всякий раз, когда мне приходилось сталкиваться с какими-либо препятствиями или чьим-то противодействием, я неизменно умудрялся то ли найти обходные пути, то ли добиться своего лестью, обманом, хитростью. Иногда я шел на компромиссы, иногда – спорил, иногда – злился. Если ничто не помогало, можно было прибегнуть к жалобам и нытью – и часто это срабатывало.

Другими словами, в любых обстоятельствах у меня в запасе всегда был какой-нибудь ход, и никогда ни одному человеку не удавалось осадить меня так быстро и основательно, как это сделал в тот день дон Хуан одним только взглядом. Причем дело было не только в том, что я замолчал, – мне не раз доводилось, не проронив ни единого слова, выслушивать уважаемых мною оппонентов, вступать в пререкания с которыми я не мог себе позволить. Но мысли мои в таких случаях все равно были исполнены гнева и раздражения. Взгляд же дона Хуана подействовал на меня настолько оглушающе, что я на какое-то время утратил даже способность к сколько-нибудь связному мышлению.

Я был настолько заинтересован необычайной силой этого взгляда, что решил во что бы то ни стало встретиться со стариком еще раз.

Полгода я готовился, перечитывая все, что мог найти, об использовании пейота американскими индейцами, обращая особое внимание на материалы, касавшиеся пейотного культа индейцев Великих Равнин. В итоге мне удалось познакомиться практически со всем, что когда-либо было написано на эту тему. Почувствовав, что готов, я снова отправился в Аризону.

Суббота, 17 декабря 1960

Чтобы отыскать дом дона Хуана, мне пришлось буквально провести опрос местного индейского населения, на что ушел не один час и не один доллар. В конце концов где-то к полудню я все же добрался до него и остановил машину перед дверью. Дон Хуан сидел на деревянном ящике из-под молочных бутылок. Он вроде бы узнал меня и помахал мне рукой, пока я вылезал из машины.

Мы обменялись обычными любезностями, а потом я осторожно перевел разговор на цель своего приезда, сказав, что в прошлый раз был основательно сбит с толку. Я покаялся в том, что блефовал тогда, хвастаясь своими познаниями относительно пейота, на самом же деле не зная ровным счетом ничего. Дон Хуан неотрывно смотрел на меня. Его глаза излучали доброту.

Потом я рассказал, как полгода готовился к этой встрече, изучая специальную литературу.

– И теперь я действительно довольно много знаю о пейоте, – заключил я.

Дон Хуан рассмеялся, усмотрев, очевидно, в моих словах что-то забавное, а я смущенно замолчал, чувствуя нарастающее раздражение.

Дон Хуан явно заметил мою реакцию и заверил меня, что, несмотря на самые лучшие побуждения, подготовиться к нашей встрече у меня не было никакой возможности.

Я прикинул, не спросить ли о скрытом смысле этого утверждения, если таковой имеется, но решил воздержаться. Однако дон Хуан, словно уловив мое настроение, сам объяснил, что имеет в виду. Он сказал, что я напомнил ему историю об одном правителе некоторого государства, который преследовал людей, относившихся к определенной категории. Эти люди ничем не отличались от своих преследователей, кроме одного – отдельные слова они произносили по-своему. И это их, естественно, выдавало. Правитель расставил на всех дорогах и перекрестках посты, которые должны были требовать от каждого прохожего произнести контрольное слово. Тех, кто выговаривал его как положено, отпускали, а тех, кто произносил иначе, убивали на месте. И вот однажды один молодой человек из числа преследуемых решил подготовиться к тому, чтобы миновать посты. Для этого он начал учиться нужному произношению

контрольного слова.

С широкой улыбкой дон Хуан сказал, что на это у молодого человека ушло как раз «полгода». И вот настал день великого испытания. Молодой человек уверенно подошел к заставе и стал ждать, пока часовой задаст ему вопрос.

Тут дон Хуан выразительно умолк и взглянул на меня. Пауза была явно наигранной и показалась мне приемом довольно банальным, но я не подал виду, поддерживая игру. Что будет дальше, мне было хорошо известно – это был старый анекдот о евреях в Германии. Чтобы выявить еврея, человека заставляли произносить определенные слова. В этом анекдоте молодой человек попался, потому что часовой забыл контрольное слово и попросил произнести другое, похожее, но которое тот выговаривать не умел.

Дон Хуан, казалось, ожидал, пока я спрошу, что было дальше. Что я и сделал, притворяясь, что меня в самом деле интересует продолжение истории:

– Что же с ним случилось?

– Молодой человек был очень хитер, – ответил дон Хуан, – он понял, что контрольное слово вылетело у часового из головы, и, прежде чем тот успел что-либо сказать, признался, что готовился целых полгода.

Он снова замолчал, глядя на меня с озорным блеском в глазах. На этот раз перевес был явно на его стороне. Признание молодого человека было чем-то новеньким, и теперь я уже действительно не знал, чем закончится история.

– Так что же все-таки с ним случилось? – спросил я, на сей раз с неподдельным интересом.

– Как что? Разумеется, его тут же убили, – ответил дон Хуан и засмеялся раскатистым хохотом.

Мне понравился этот новый ход, а еще больше понравилось, как лихо он связал старый анекдот с моим собственным поведением. Похоже, дон Хуан специально все это придумал. Конечно, он надо мной потешался, но как тонко и артистично! Я тоже засмеялся.

Потом я заявил, что, наверное, в самом деле глупо выгляжу, но мне действительно очень хочется знать все, что касается растений.

- Я люблю ходить пешком, - сказал он.

Я решил, что он не хочет отвечать и потому меняет тему. Мне не хотелось быть назойливым.

Он спросил, не хочу ли я отправиться с ним в небольшой поход по пустыне. Я с готовностью заявил, что такая прогулка, безусловно, доставит мне удовольствие.

- Только это будет не прогулка, - предупредил он.

Тогда я сказал, что в отношении работы с ним настроен весьма серьезно. Мне нужна любая информация об использовании растений, и я готов заплатить ему за то время и усилия, которые он на меня затратит.

- И сколько ты собираешься мне платить?

В его голосе проскользнула нотка алчности.

- Сколько ты сочтешь нужным.

- Тогда за мое время ты будешь платить мне своим временем, - произнес он.

Я подумал, что он - явно со странностями, и ответил, что не понимаю. Он объяснил, что о растениях вообще нечего рассказывать, поэтому брать с меня за это деньги для него невыносимо.

Он пронзительно посмотрел на меня, нахмурился и спросил:

- Слушай, чем это ты все время занимаешься в кармане? Уж не играешь ли ты там со своим бобиком?

В необъятном кармане моей штормовки лежал блокнот, и я вслепую непрерывно записывал в него наш разговор. Когда я объяснил дону Хуану, в чем дело, он от души расхохотался. Я сказал, что просто не хотел действовать ему на нервы.

- Пиши, если хочешь, - разрешил он, - ты не действуешь мне на нервы.

Мы бродили по окрестной пустыне, пока почти совсем не стемнело. Дон Хуан не показал мне ни одного растения и вообще не сказал ни слова на эту тему. Наконец мы остановились передохнуть возле каких-то больших кустов.

- Растения - очень занятные существа, - сказал дон Хуан, не глядя на меня, - они живые и все чувствуют.

Едва он это произнес, как сильный порыв ветра пронесся по пустынному чапаралю. Кусты громко зашелестели.

- Слышишь? - спросил дон Хуан. - Листья и ветер со мной соглашаются.

Он сложил правую ладонь лодочкой и приставил к уху, как бы для того, чтобы лучше слышать.

Я засмеялся. Прежде чем познакомить меня с доном Хуаном, мой приятель предупредил, что старик со странностями. И теперь я решил, что «соглашение с листьями» - одна из его эксцентричных шуток.

Мы прошли еще немного, но дон Хуан по-прежнему не показывал мне и не собирал никаких растений. Он просто скользил сквозь кустарник, слегка прикасаясь к ветвям. Затем он остановился, присел на камень и велел мне отдохнуть и осмотреться.

Но я был настроен на беседу и еще раз напомнил ему, что меня очень интересуют растения, особенно пейот. Я снова предложил ему плату за информацию.

- Не нужна мне никакая плата, - сказал он. - Спрашивай о чем угодно. Я расскажу тебе то, что мне известно, а после объясню, что со всем этим делать.

Дон Хуан поинтересовался, устраивает ли меня такой вариант. Я был доволен. Но потом он добавил загадочную фразу:

– Только вряд ли о растениях можно что-то узнать, ведь о них нечего сказать.

Я не понял, что он сказал или что имел в виду.

– Что ты сказал?

Он трижды повторил ту же самую фразу. Как только дон Хуан замолчал, из-за холмов вынырнул военный самолет. Он пронесся над нами на бреющем полете, сотрясая всю округу ревом двигателей.

– О! Слышишь, как мир со мной соглашается? – сказал дон Хуан, приставив к уху левую ладонь.

Дон Хуан казался мне весьма занятным человеком. К тому же он так заразительно смеялся.

– Дон Хуан, ты родом из Аризоны? – спросил я, чтобы вновь навести разговор на возможность получить от него интересующую меня информацию.

Он взглянул на меня и утвердительно кивнул. В его глазах появилась усталость. Между нижними веками и зрачками блеснули белки.

– Ты родился в этих местах?

Он снова молча кивнул. Жест был вроде бы утвердительным и в то же время рассеянным, как у человека, глубоко погруженного в свои мысли.

– А ты-то сам откуда? – спросил дон Хуан.

– Из Южной Америки.

– Южная Америка большая. Ты что, родился во всей сразу?

Он вновь посмотрел на меня, блеснув глазами.

Я начал было объяснять ему обстоятельства моего рождения, но он перебил меня:

– В этом смысле мы с тобой похожи. Вообще-то я – яки из Соноры. Но сейчас живу здесь.

– Правда? А я родом из...

Он не дал мне договорить.

– Знаю, знаю. Ты – тот, кто ты есть, родом оттуда, откуда ты родом, так же как я – яки из Соноры.

Меня поразили его ясный взгляд, а от смеха я почему-то почувствовал неудобство, словно дон Хуан уличил меня во лжи. Это было какое-то неопределенное чувство вины, как будто дон Хуан знал обо мне нечто такое, чего не знал я сам или в чем не хотел признаться. Мне становилось все более и более не по себе. Дон Хуан, видимо, это заметил и спросил:

– Как насчет того, чтобы поужинать в ресторане?

Мы вернулись к его дому, а потом поехали в город. По дороге я почувствовал некоторое облегчение, но полностью расслабиться мне все же не удалось. Я ощущал как бы нависшую надо мной угрозу, но никак не мог понять, в чем дело.

В ресторане я хотел угостить дон Хуана пивом, но он отказался, сказав, что вообще не пьет, даже пива. Я не поверил и внутренне усмехнулся: мой друг, который нас познакомил, говорил мне, что «старик, как правило, обычно малость не в себе». Но даже если дон Хуан лгал насчет того, что не пьет, это меня ничуть не беспокоило. Все равно он мне нравился, в нем было что-то, что меня успокаивало.

На моем лице, видимо, было написано недоверие, так как дон Хуан объяснил, что в молодости пил довольно много, но однажды взял и бросил.

– Люди, как правило, не отдают себе отчета в том, что в любой момент могут выбросить из своей жизни все что угодно. Вот так.

И дон Хуан щелкнул пальцами, как бы демонстрируя, насколько просто это делается.

– Ты думаешь, так легко бросить пить или, скажем, курить? – спросил я.

– Ну конечно! – убежденно воскликнул он. – Бросить пить или курить – вообще дело плевое. Эти привычки – ерунда, ничто, если мы намерены от них отказаться.

В это мгновение кипятилок в кофеварке весело забулькал.

– Слышишь? – воскликнул дон Хуан, блеснув глазами. – Кипятилок со мной согласен.

И, помолчав немного, добавил:

– Человек может получать подтверждение от всего, что его окружает.

Тут кофеварка издала булькающий звук, напоминающий нечто не совсем приличное.

Дон Хуан взглянул на кофеварку и мягко произнес:

– Спасибо.

Потом он кивнул и оглушительно захохотал.

Я был буквально ошеломлен. Смеялся он, пожалуй, слишком громко, но вся ситуация в целом меня чрезвычайно озадачила.

На этом наша первая встреча закончилась. У дверей ресторана я попрощался со своим «информатором». Я сказал, что мне еще нужно заехать к друзьям и что хотел бы снова встретиться с ним в конце следующей недели.

- Когда ты будешь дома? - спросил я.

Он окинул меня оценивающим взглядом и ответил:

- Тогда, когда ты приедешь.

- Но я не знаю точно, когда смогу приехать.

- Приезжай, когда сможешь, и не беспокойся.

- А если тебя не будет дома?

- Буду, - с улыбкой ответил он, повернулся и зашагал прочь.

Я догнал его и спросил, не возражает ли он против того, чтобы я взял с собой фотоаппарат и сфотографировал его самого и его дом.

- Исключено, - ответил дон Хуан, нахмурившись.

- А магнитофон хоть можно?

- Боюсь, что с магнитофоном дело обстоит точно так же.

Мне стало досадно. Я разозлился и заявил, что не нахожу в его отказе никакой логики.

Дон Хуан отрицательно покачал головой.

- Забудь об этом, - властно сказал он. - И, если хочешь иметь со мной дело, никогда больше не вспоминай.

Я сделал слабую попытку настаивать, объясняя, что фотографии и магнитофонные записи необходимы мне в работе. Дон Хуан сказал, что во всем, что мы делаем, по-настоящему необходимо лишь одно - «дух».

– Без духа человек ни на что не годен, – заявил он. – А у тебя его нет. Вот это должно тебя беспокоить, а вовсе не фотографии.

– Что ты име...

Он не дал мне договорить, взмахом руки прервав на полуслове, но, отойдя на несколько шагов, обернулся.

– Приезжай обязательно, – сказал он вполголоса и помахал рукой на прощание.

Глава 2

Стирание личной истории

Вторник, 22 декабря 1960

Дон Хуан сидел на земле возле двери своего дома, прислонясь к стене. Перевернув деревянный ящик из-под молочных бутылок, он предложил мне присесть и почувствовать себя как дома. Я привез с собой блок сигарет. Вытащив несколько пачек, я предложил их дону Хуану. Он сказал, что не курит, но подарок принял. Мы говорили о том, что ночи в пустыне стоят холодные, и еще о разных мелочах.

Я спросил, не нарушает ли мое появление его привычного распорядка. Он взглянул на меня, слегка нахмурившись, и ответил, что у него нет никаких распорядков и что, если мне хочется, я могу провести у него хоть целый день.

Я заранее заготовил несколько опросных генеалогических карт, которые собирался заполнить со слов дона Хуана. Кроме того, порывшись в литературе по этнографии, я составил общий перечень особенностей культуры местных индейцев. Я собирался просмотреть его с доном Хуаном и отметить то, что покажется ему знакомым.

Начал я с генеалогии.

– Как звали твоего отца? – спросил я.

– Я звал его «папа», – ответил дон Хуан совершенно серьезно.

С некоторым раздражением я подумал, что он не понял и надо ему втолковать. Показав опросную карту, я разъяснил, что одна пустая графа там оставлена для имени и фамилии отца, другая – для имени и фамилии матери. Потом я решил, что, наверное, следовало начать с матери, и спросил:

– Как звали твою мать?

– Я звал ее «мама», – ответил он с обескураживающей наивностью.

Сдерживаясь и стараясь быть вежливым, я сформулировал вопрос иначе:

– А как ее звали другие? Как вообще к ней обращались?

С глуповатой улыбкой старик взглянул на меня и почесал за ухом:

– Ага... Вот тут ты меня поймал. Надо подумать...

После минутного замешательства он, казалось, что-то вспомнил.

Я приготовился записывать. С глубокомысленным видом дон Хуан произнес:

– Другие? Другие обращались к ней так: «Эй, послушай-ка!»

Я невольно рассмеялся. Все это выглядело действительно комично, и я не мог понять, то ли передо мной хитрый старый индеец, который намеренно морочит мне голову, то ли и вправду простодушный дурачок.

Набравшись терпения, я постарался разъяснить ему, что этот вопрос – весьма серьезный и что заполнение опросных карт является очень важным моментом в моей работе. Я приложил максимум стараний к тому, чтобы он понял идею генеалогии и личной истории. Закончив, я спросил:

– Так можешь ты назвать мне имена своих родителей?

Он взглянул на меня. Взгляд его был ясным и добрым.

– Ты зря тратишь время. Давай не будем заниматься ерундой.

Я не нашелся что сказать. Только что я разговаривал с растерявшимся глуповатым индейцем, который озадаченно чесал в затылке, и вот, спустя какое-то мгновение, роли переменялись: теперь уже я сам чувствовал себя дураком, а он смотрел на меня совершенно неопишным взглядом. В его взгляде не было ни раздражения, ни презрения, ни торжества или самодовольства, а лишь ясность, проникновенность и доброта.

– У меня нет личной истории, – сказал дон Хуан после продолжительной паузы. – В один прекрасный день я обнаружил, что в ней нет никакой нужды, и разом избавился от нее. Так же, как от привычки выпивать.

Я ничего не понял. У меня возникло ощущение смутной тревоги. Я напомнил ему, что он сам разрешил мне задавать вопросы. Он опять сказал, что против вопросов не возражает.

– Но личной истории у меня больше нет, – сказал он и испытующе взглянул на меня. – Когда она стала лишней, я от нее избавился.

Я уставился на него, пытаюсь вникнуть в скрытый смысл его слов.

– Но как можно избавиться от личной истории?

– Сначала нужно этого захотеть, а потом, действуя последовательно и гармонично, в конце концов просто отсечь ее.

– Но зачем?! – воскликнул я.

Моя личная история была мне ужасно дорога. Я совершенно искренне чувствовал, что без глубоких семейных корней в моей жизни не было бы ни преемственности, ни цели.

– Нельзя ли уточнить, что имеется в виду, когда ты говоришь «избавиться от личной истории»? – спросил я.

– Уничтожить ее. Стереть – вот что, – жестко ответил дон Хуан.

– Ну ладно. Возьмем, например, тебя. Ты – яки. Как можно это стереть? Ведь ты не можешь этого изменить.

– Я – яки? – с улыбкой спросил он. – С чего ты взял?

– Верно! – сказал я. – Я не могу этого знать наверняка, но сам-то ты знаешь, и это единственное, что имеет значение и что делает этот факт личной историей.

Я почувствовал, что попал в точку. Но он ответил:

– То, что мне известно, яки я или нет, еще не является личной историей. Личной историей становится лишь то, что знаю не только я, но и кто-нибудь другой. Что же касается моего происхождения, то уверяю тебя: никто не может сказать с уверенностью, что ему что-нибудь об этом известно.

Я торопливо записывал за ним все, что он говорил. Затем, прекратив писать, взглянул на него. Я никак не мог понять, с кем имею дело. В уме промелькнул весь набор впечатлений, которые он на меня производил: таинственный жуткий взгляд, с которого началось наше знакомство, обаяние его утверждений о том, что всё в мире соглашается с ним, его остроумие, собранность и динамичность, и тут же – выражение полнейшей тупости на лице, когда я спросил о родителях, а сразу после этого – совершенно неожиданная сила его ответов, которыми он поставил меня на место.

– Ты недоумеваешь, кто же я такой? – спросил он, словно читая мои мысли. – Тебе никогда не узнать, кто я и что из себя представляю. Потому что у меня нет личной истории.

Он спросил, есть ли у меня отец. Я ответил, что есть. Дон Хуан сказал, что мой отец – пример того, о чем идет речь. Он велел вспомнить, что думает обо мне отец, а потом сказал:

– Отец знает о тебе все. Поэтому ты для него – как раскрытая книга. Он знает, кто ты такой, что из себя представляешь и чего стоишь. И нет на земле силы, которая могла бы заставить его изменить свое отношение к тебе.

Дон Хуан сказал, что у каждого, кто меня знает, сформировался определенный образ моей личности. И любым своим действием я как бы подпитываю и еще больше фиксирую этот образ.

– Неужели тебе не ясно? – драматически сказал он. – Твоя личная история постоянно нуждается в том, чтобы ее сохраняли и обновляли. Поэтому ты рассказываешь своим друзьям и родственникам обо всем, что делаешь. А если бы у тебя не было личной истории, надобность в объяснениях тут же отпала бы. Твои действия не могли бы никого рассердить или разочаровать, а самое главное – ты не был бы связан ничьими мыслями.

Неожиданно до меня дошло, что он имеет в виду. Я и раньше, можно сказать, знал это, но никогда не пытался это осознать. Свобода от личной истории казалась вещью довольно заманчивой, по крайней мере на интеллектуальном уровне. Но от нее веяло грозным и неуютным одиночеством. Я хотел было поделиться с ним своими ощущениями, но спохватился, поскольку во всей этой ситуации было что-то ужасно нелепое. Мне казалось, что просто смешно ввязываться в философский спор с невежественным старым индейцем, который в плане «интеллектуальной изощренности» явно уступает студенту университета. Однако он все же каким-то образом увел меня в сторону от первоначального намерения расспросить его о генеалогии. Чтобы вернуть разговор в нужное мне русло, я сказал:

– Почему мы вообще обо всем этом заговорили? Мне ведь, собственно, только нужно было заполнить опросную карту.

– Как почему? – ответил он. – Мы заговорили об этом, потому что я сказал: задавать вопросы о прошлом – занятие совершенно никчемное.

Говорил он очень твердо. Я понял, что ничего не добьюсь, и решил изменить тактику.

– Освобождение от личной истории присуще всем индейцам яки? – спросил я.

– Оно присуще мне.

– А как ты этому научился?

– Жизнь научила.

– Тебя учил отец?

– Нет. Скажем так, я научился этому сам. И сегодня я открою тебе эту тайну, так что ты уедешь отсюда не с пустыми руками.

Его голос перешел в торжественный шепот. Это актерство меня рассмешило. Я не мог не признать, что в этом он большой мастер. Мне даже пришло в голову, что я имею дело с прирожденным артистом.

– Давай, – покровительственным тоном сказал дон Хуан. – Записывай. Ты ведь без этого жить не можешь.

Я взглянул на него, и в моих глазах, должно быть, мелькнуло скрытое замешательство.

Он хлопнул себя по ляжкам и с довольным видом рассмеялся.

– «Всю личную историю следует стереть для того...» – медленно, как бы диктуя, произнес он.

Я лихорадочно записывал.

– «...чтобы освободиться от ограничений, которые накладывают на нас своими мыслями другие люди».

Я не верил своим ушам. Он не мог этого сказать. Я был буквально подавлен, что, должно быть, отразилось на моем лице. Он не преминул этим воспользоваться.

– Вот ты, например, – продолжал он. – В данный момент ты недоумеваешь, гадая, кто же я такой. Почему? Потому что я стер личную историю, постепенно окутав

туманом свою личность и всю свою жизнь. И теперь никто не может с уверенностью сказать, кто я такой и что я делаю.

- Но ты-то сам знаешь, разве не так? - вставил я.

- Я-то, будь уверен... тоже нет! - воскликнул он и затрясся от смеха.

Прежде чем сказать «тоже нет», он выдержал довольно длинную паузу, и я был уверен, что он скажет «знаю». В его неожиданном ответе было что-то угрожающее, и я вновь почувствовал страх.

- Это и есть та маленькая тайна, которую я намерен тебе сегодня открыть, - тихо произнес дон Хуан. - Никто не знает моей личной истории. Никому не известно, кто я такой и что делаю. Даже мне самому.

Прищурившись, он смотрел в пространство за моим правым плечом. Он сидел скрестив ноги и выпрямившись, однако его тело казалось полностью расслабленным. В этот миг он был сама суровость: ни дать ни взять - могучий вождь, «краснокожий воин» из книг моего детства. Я поддался романтическому воображению и вдруг отчетливо ощутил противоречивость своего отношения к этому человеку: он очень меня притягивал и в то же время до смерти пугал.

Так он сидел, глядя в пространство перед собой, довольно долго.

- Откуда мне знать, кто я такой, если все это - я? - спросил он, движением головы указывая на все, что нас окружало; потом он взглянул на меня и улыбнулся.

- Ты должен постепенно создать вокруг себя туман, шаг за шагом стирая все вокруг до тех пор, пока не останется ничего гарантированного, однозначного или очевидного. Сейчас твоя проблема в том, что ты слишком реален. Реальны все твои намерения и начинания, все твои действия, все твои настроения и побуждения. Но все не так однозначно и определено, как ты привык считать. Тебе нужно взяться за стирание своей личности.

- Но зачем? - ошеломленно спросил я.

До меня вдруг дошло, что он мне указывает, как себя вести. Сколько себя помню, я всегда терпеть не мог, когда кто-либо пытался учить меня жить. Сама мысль о том, что мне собираются указывать, что я должен делать, немедленно вызывала во мне защитную реакцию.

- Ты говорил, что тебя интересует информация о растениях, - спокойно сказал он. - Ты что же, думаешь получить ее даром? Как это, по-твоему, называется? Мы ведь условились - ты задаешь вопросы, а я рассказываю тебе то, что знаю. Если тебя это не устраивает, то нам больше не о чем говорить.

Меня раздражала его ужасная прямота, но я поневоле был вынужден признать, что он прав.

- Скажем так: если ты хочешь изучать растения, то должен, кроме всего прочего, стереть свою личную историю.

- Но каким образом? - спросил я.

- Начни с простого - никому не рассказывай о том, что в действительности делаешь. Потом расстанься со всеми, кто хорошо тебя знает. В итоге вокруг тебя постепенно возникнет туман.

- Но это же полный абсурд! - воскликнул я. - Почему меня никто не должен знать? Что в этом плохого?

- Плохо то, что те, кто хорошо тебя знает, воспринимают твою личность как вполне определенное явление. И как только с их стороны формируется такое к тебе отношение, ты уже не в силах разорвать пути их представлений о тебе. Мне же нравится полная свобода неизвестности. Никто не знает меня с полной определенностью, как, например, многие знают тебя.

- Но в этом уже присутствует ложь.

- Ложь или правда - мне до этого дела нет, - жестко произнес он. - Ложь существует только для тех, у кого есть личная история.

Я возразил, что мне не нравится намеренно мистифицировать людей или вводить их в заблуждение. Он ответил, что я и так ввожу в заблуждение всех, с кем имею дело.

Старик затронул больной вопрос. Я даже не спросил, что он имеет в виду или почему он решил, что я постоянно всех мистифицирую. Вместо этого я тут же пустился в объяснения – все мои родственники и друзья почему-то считают меня человеком ненадежным, и это причиняет мне боль, так как за всю жизнь я ни разу не солгал.

– Но ты всегда знал, как это делается, – заметил он. – Тебе не хватало одного – ты не знал, зачем следует лгать. Теперь знаешь.

Я запротестовал:

– Неужели ты не понимаешь – я сыт по горло тем, что меня считают ненадежным?

– Но ведь это так, – убежденно сказал он.

– Да нет же, черт возьми! – воскликнул я.

Вместо того чтобы отнестись к этой моей вспышке серьезно, он захохотал, как безумный. Я чувствовал, что ненавижу его. Но, к сожалению, он снова был прав.

Угомонившись, он продолжил:

– Если у человека нет личной истории, то, что бы он ни сказал, это ложью не будет. Твоя беда в том, что ты вынужден всем все объяснять и в то же время хочешь сохранить ощущение свежести и новизны от того, что делаешь. Но оно исчезает после того, как ты рассказал кому-нибудь о том, что сделал, поэтому, чтобы продлить это, тебе необходимо выдумывать.

Я был ошеломлен таким оборотом нашей беседы и старался как можно точнее все записать. Для этого мне пришлось полностью сосредоточиться на его словах, оставив в стороне свои собственные возражения и возможный скрытый смысл того, о чем он говорил.

– Отныне, – сказал он, – ты просто должен показывать людям то, что считаешь нужным, но никогда не говори, как достиг этого.

– Но я не умею хранить тайны! – воскликнул я. – Поэтому то, что ты говоришь, для меня бесполезно.

– Ну так изменись! – резко бросил он, ярко сверкнув глазами. Он напоминал странного дикого зверя, но в то же время был очень последователен и мыслил исключительно точно. Мое раздражение сменилось состоянием замешательства.

– Видишь ли, – продолжал он, – наш выбор ограничен: либо мы принимаем, что все реально и определено, либо – нет. Если мы выбираем первое, то в конце концов смертельно устаем и от себя самих, и от всего, что нас окружает. Если же мы выбираем стереть личную историю, то все вокруг нас погружается в туман. Это восхитительное и таинственное состояние, когда никто, даже ты сам, не знает, откуда выскочит кролик.

Я возразил, что стирание личной истории лишь усугубит чувство неуверенности и незащищенности.

– Когда отсутствует какая бы то ни было определенность, мы все время начеку, мы постоянно готовы к прыжку, – сказал он. – Гораздо интереснее не знать, за каким кустом прячется кролик, чем вести себя так, словно тебе все давным-давно известно.

Он замолчал и, кажется, целый час не говорил ни слова. Я не знал, что спросить. Наконец он встал и попросил подвезти его в соседний городок.

Почему-то от этой беседы я устал и мне хотелось спать.

Он попросил меня остановить машину и сказал, что, если мне нужно отдохнуть, я должен взобраться на плоскую вершину холма у дороги и полежать на ней ничком, головой на восток.

В его голосе была настойчивость. Я не хотел спорить, а может, просто настолько устал, что был не в силах даже говорить. Взобравшись на холм, я сделал все так, как он сказал.

Я заснул на две-три минуты, но этого оказалось достаточно, чтобы мои силы полностью восстановились.

Мы доехали до центра городка, где он попросил его высадить.

- Возвращайся, - сказал он, выходя из машины. - Обязательно возвращайся.

Глава 3

Отказ от чувства собственной важности

Я рассказал о своих поездках к дону Хуану познакомившему нас приятелю. Он заключил, что я только зря трачу время. Я передал ему свои беседы с доном Хуаном во всех подробностях. Он же полагал, что я преувеличиваю и создаю романтический ореол вокруг выживающего из ума старика.

Но я был весьма далек от романтической идеализации. Напротив, мою симпатию к дону Хуану основательно поколебала его постоянная критика в мой адрес. Тем не менее я не мог не признать, что во всех случаях критика была уместной, точной и вполне справедливой.

Таким образом, я оказался перед дилеммой: с одной стороны, я не мог примириться с мыслью, что дон Хуан способен разрушить мои взгляды на мир, а с другой - мне не хотелось соглашаться с моим приятелем, утверждающим, что старик просто ненормальный.

Поэтому, чтобы составить окончательное мнение, я поехал к нему еще раз.

Среда, 28 декабря 1960

Едва я приехал, дон Хуан повел меня в пустынный чапараль, даже не взглянув на сумку с продуктами, которые я ему привез. Похоже, он ждал меня.

Мы шли несколько часов. Растений он не собирал и мне не показывал, зато научил меня «правильно ходить». Он сказал, что удерживать внимание на траве и окружающей местности легче, если при ходьбе слегка подогнуть пальцы рук. Он заявил, что моя обычная походка ослабляет внимание и лишает сил, кроме того, никогда ничего нельзя носить в руках. Для поклажи следует пользоваться рюкзаком или заплечным мешком. Особое положение рук, сказал дон Хуан, повышает выносливость и обостряет внимание.

Я решил не спорить и на ходу подогнул пальцы, как он велел. Ни на моем внимании, ни на моей выносливости это никак не отразилось.

Мы вышли утром, а первый привал сделали только около полудня. Я сильно вспотел и хотел напиться из своей фляги, но дон Хуан остановил меня, сказав, что лучше сделать только маленький глоток. Потом он срезал несколько листьев с невысокого желтоватого кустика и принялся их жевать. Несколько штук он дал мне и сказал, что это – замечательные листья; если их медленно жевать, жажда исчезнет. Пить хотелось по-прежнему, но неудобства я больше не ощущал.

Он словно прочел мои мысли и объяснил, что я не почувствовал ни преимущества «правильной походки», ни положительного действия листьев, которые жевал, потому что я молод и силен, а тело мое ничего этого не заметило из-за некоторой тупости. Он засмеялся. Однако я не был склонен веселиться, и это как будто позабавило его еще больше. Он уточнил свое предыдущее заявление, сказав, что мое тело не то чтобы действительно тупое, но как бы спит.

В это мгновение прямо над нами с карканьем пролетела огромная ворона. Это меня испугало, и я засмеялся. Я думал, что это – как раз тот случай, когда смех вполне уместен, но он, к моему удивлению, энергично дернул меня за рукав и с самым серьезным видом велел замолчать.

– Это – не шутка, – сурово произнес он с таким видом, словно я знал, о чем идет речь.

Я попросил объяснить, сказав, что не понимаю, почему его так рассердил мой смех по поводу вороны, ведь мы же смеялись, когда в кофеварке булькал кипяток.

- То, что ты видел, не было просто вороной! - воскликнул он.

- Но я видел, что это была ворона, - настаивал я.

- Ничего ты, дурак, не видел, - оборвал он.

Я не видел причин для грубости с его стороны и сказал, что не люблю действовать людям на нервы и что мне лучше уехать, поскольку он явно не расположен к общению.

Он громко расхохотался, словно я разыграл перед ним клоунаду. Я буквально рассвирепел.

- Ну, ты горяч, - небрежно прокомментировал он. - Ты слишком серьезно к себе относишься.

- Можно подумать, ты относился к себе по-другому, когда на меня разозлился! - вставил я.

Он сказал, что ему даже в голову не приходило на меня злиться, и пронзительно взглянул на меня.

- То, что ты видел, не было согласием со стороны мира. Летящая, да еще и каркающая ворона никогда не выражает согласие мира. Это был знак!

- Знак чего?

- Очень важный знак. Он касается тебя, - ответил он загадочно.

В это мгновение прямо к нашим ногам упала сухая ветка, сорванная ветром с куста.

- А вот это - согласие! - дон Хуан взглянул на меня сияющими глазами и рассмеялся грудным смехом.

У меня возникло ощущение, что он просто дразнит меня, на ходу выдумывая правила своей странной игры так, чтобы ему можно было смеяться, а мне – нет.

Раздражение мое вспыхнуло с новой силой, и я все это ему выложил.

Но он не рассердился и не обиделся. Он снова засмеялся, и смех этот привел меня в негодование. Я подумал, что он попросту надо мной издевается, и тут же решил, что сыт по горло подобного рода «полевыми исследованиями».

Я встал и сказал, что хотел бы прямо сейчас отправиться в обратный путь к его дому, потому что мне нужно возвращаться в Лос-Анджелес.

– Сядь! – приказал он. – Ты обидчив, как старая дама. Ты не уедешь сейчас, потому что мы еще не договорили.

Я ненавижу его. Самодовольный, высокомерный тип!

Он запел идиотскую мексиканскую песенку, имитируя манеру исполнения одного популярного певца. Он растягивал одни слоги и проглатывал другие, превращая песню в такую смешную пародию, что в конце концов я не выдержал и начал посмеиваться.

– Видишь, ты смеешься над глупой песенкой, – сказал он. – А ведь тот, кто ее таким образом исполняет, равно как и те, кто платит деньги за то, чтобы послушать его, не смеются. Они считают, что это – очень серьезно.

– Что ты хочешь этим сказать? – спросил я.

Я подумал, что этим примером он решил мне показать, что я смеялся по поводу вороны потому, что не воспринял ее всерьез, как не воспринял всерьез дурацкую песенку. Но дон Хуан снова сбил меня с толку. Он сказал, что своим невыносимым чванством и слишком серьезным отношением ко всякой чепухе, которая с точки зрения человека, находящегося в здравом рассудке, не стоит выведенного яйца, я напоминаю исполнителя той песенки и его почитателей.

Затем он вернулся к тому, что говорил раньше об «изучении растений», как бы для того, чтобы освежить эту информацию в моей памяти. Он особо подчеркнул,

что если я действительно хочу учиться, то мне необходимо изменить подавляющее большинство своих моделей поведения.

Я снова начал злиться и взвинтил себя до такой степени, что лишь ценой огромных усилий мог продолжать записывать.

– Ты слишком серьезно к себе относишься, – медленно проговорил он. – И воспринимаешь себя как чертовски важную персону. Это нужно изменить! Ведь ты настолько важен, что считаешь себя вправе раздражаться по любому поводу. Насколько важен, что можешь позволить себе развернуться и уйти, когда ситуация складывается не так, как тебе этого хочется. Возможно, ты полагаешь, что тем самым демонстрируешь силу своего характера. Но это же чушь! Ты – слабый, чванливый и самовлюбленный тип!

Я попытался было возразить, но дон Хуан не позволил. Он сказал, что из-за непомерно раздутого чувства собственной важности я за всю жизнь не довел до конца ни единого дела.

Я был поражен уверенностью, с которой он говорил. Но его слова, разумеется, в полной мере соответствовали истине, и это меня не только разозлило, но и изрядно испугало.

– Чувство собственной важности, так же как личная история, относится к тому, от чего следует избавиться, – веско произнес он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://telnovel.com/karlos-sezar-arana-kastaneda/puteshestvie-v-ikstlan>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)